

ГЛАВА X

Двоевластие

*Вдали от газет и телефонов • Некоторые
теоретические выводы • Лешек Бальцерович • Звонок
А. Чубайса • В одну упряжку впрячь не можно... •
В. Черномырдин и Б. Федоров • Верховный Совет
переходит в наступление • На Васильевском спуске •
Дуэль с А. Руцким • Дамоклов меч двоевластия •
Я принимаю предложение президента*

ПОДМОСКОВЬЕ. Первые трое суток спал, спал, спал. Какое счастье проснуться, глянуть в окно на заснеженные лапы елок и — заснуть снова. Когда выбрался наконец на улицу, услышал, что посвистывает ветер, хрустит снег под ногами, увидел симпатичную дворнягу. Возле запруды на озере парень в тулупчике сидел у лунки, наблюдая за поплавком...

— Как клюет?

— Да так, мелочишка.

Нормальный, живой, просторный мир возвращался ко мне со всеми его запахами, звуками. И вдруг несказанно далеким показался тот длинный и узкий, нелепый зал в Кремле, переделанный когда-то по приказу Сталина из целой анфилады, чтобы проводить там партийные съезды... Вот уж воистину чудовищный "коридор власти".

Чувства, которые я испытал сразу после отставки, были очень сложные, противоречивые. Это — и облегчение, и горечь.

Облегчение от того, что с плеч свалилась огромная тяжесть. Не надо больше отвечать за все происходящее в стране. Уже не раздастся тревожный звонок: где-то произошел взрыв на шахте, где-то потерпел крушение поезд. Не надо ни принимать решений, от которых зависит судьба людей, ни отказывать в финансовой поддержке регионам, крупным предприятиям, научным учреждениям, которые жизненно в ней нуждаются. Не тебе нести ответст-

венность за все несовершенства молодой российской демократии. Теперь за все это должна болеть голова у других. И вместе с тем — тяжелое чувство, что больше не можешь делать то, что считаешь нужным для страны, развитие событий пойдет независимо от тебя, будешь со стороны наблюдать за ошибками, которые ты не в силах поправить. Тревога — а сколько будет этих ошибок? А не перечеркнут ли они все то, что с таким трудом, такой ценой, но все же удалось сделать в России для становления рыночной экономики?

Вдруг приходит понимание того, насколько сам изменился, постарел. Всего год назад пришел работать в правительство молодым энергичным тридцатипятилетним человеком, а сейчас такое ощущение, что прибавилось по меньшей мере лет пятнадцать, И дело, в первую очередь, даже не в неожиданно открывшихся болячках, просто после этого сумасшедшего года радикально изменилось восприятие жизни, людей. Самое неприятное — стал гораздо жестче, холодней. Вместе с тем, бесконечно лучше знаю теперь, как устроена реальная власть, как принимаются решения, как переводятся стрелки, способные повернуть направление движения тяжелого поезда российской истории. Вообще, я заметил, что во многом по-другому, как будто изнутри, начал смотреть на хорошо известные по книгам перипетии событий разных времен, понимать жизнь конкретнее, ярче, чем представлялось раньше. Пришло осознание того, что принимаешь ты это или нет, но политика почти всегда — не выбор между добром и злом, а выбор между большим и меньшим злом. И начал лучше понимать людей, которые в свое время, стиснув зубы, поддерживали меньшее зло, закрывая глаза на его пороки.

Сразу после ухода от власти практически неизбежно у всех возникает синдром, который для себя называю: "лифт не едет". Основа термина — реальный случай. Как-то один из отправленных в отставку

членов политбюро ЦК КПСС зашел в здание на Старой площади, сел в начальственный лифт и с удивлением пытался понять, почему же он не едет, напрочь забыв, что для этого полагается нажать кнопку Сработала привычка, члены политбюро кнопки не нажимали, за них это делала охрана.

Разумеется, у тех, кто пришел во власть на короткое время, этот синдром не приобретает столь анекдотичных форм, но ощущение того, что все вокруг вдруг разом перестает крутиться так, как привычно крутилось, приходит неизбежно. Возникает масса конкретных бытовых проблем, которые еще вчера тебя лично не касались. Одновременно раздвигаются границы времени: ты вновь начинаешь мерить свою жизнь не секундами, а часами и днями. В адаптации к этой новой реальности все зависит от личности того, кто ушел от власти. Те, у кого хватает ума понять, что весь предшествующий гул медных труб к твоей личности не имел никакого отношения, был связан с должностью, которую ты занимал, приспособиваются к частной жизни быстро. Но видел людей, поработавших в правительстве, а потом так никогда и не привыкших к жизни нормальной, без внешних атрибутов власти. Их жалко.

В отличие от назначения на высокую должность, отставка — прекрасное время, чтобы разобраться в своих отношениях с окружающими. Для себя ввел специальную условную единицу устойчивости человеческих отношений под названием "один чуб", развернуто — "один Чубайс". Как бы ни менялись наши с Чубайсом соотносительные социальные статусы, это никогда и никак не сказывалось на характере наших взаимоотношений. К сожалению, куда чаще эту устойчивость приходится измерять в "сантичубах", "милличубах" и даже в "микрочубах".

Семья восприняла отставку с облегчением. Нервное напряжение, в котором отец, мама, жена, даже дети жили на протяжении последнего года, улеглось. Доходили до меня разговоры, что многие

почему-то уверены, будто я теперь непременно уеду куда-нибудь за рубеж, то ли в Чикаго, то ли в Гарвард — любимым своим монетаристам. Мне такая идея в голову не приходила. Вообще никогда не имел желания уезжать из России, а уж теперь и подавно.

План для меня был ясен — возвращаюсь в свой Институт экономической политики. Там меня ждали.

Год назад, прежде чем его покинуть, собрал коллектив и сказал, что надеюсь и во время работы в правительстве продолжить сотрудничество, буду заезжать и, может, удастся снова, как прежде, вместе провести очередной мозговой штурм какой-нибудь сложной проблемы... Какой же я был наивный!

Но с частью института я как бы и не расставался. Вместе со мной ушли работать в правительство многие его ведущие сотрудники. А.Нечаев стал министром экономики, В.Машиц — председателем Комитета по сотрудничеству с государствами СНГ, С.Васильев возглавил правительственный Центр экономических реформ. Некоторые сотрудники института перешли работать в аппарат. Да и те, кто остались на научной работе, регулярно помогали правительству в проведении экспертиз, в разработке нормативных актов.

Вернувшись к директорским обязанностям, с ходу переименовал институт, дав ему чертовски неблагозвучное имя, ИЭПП — Институт экономических проблем переходного периода. Явную неуклюжесть аббревиатуры можно объяснить тем, что после долгого перенапряжения голова какое-то время работала неважно.

Со мной в институт вернулись В.Мау, С.Синельников, А.Улюкаев.

Постепенно усталость прошла, голова просветлела, нахлынула информация об экономической жизни страны, а вместе с этим возникло новое и не слишком приятное чувство водителя, которого внезапно пересадили из-за руля на пассажирское мес-

то... Еще чувствуешь себя за все ответственным, и, когда видишь ухаб, канаву, бревно поперек дороги, а если без аллегорий — любую экономическую несурязицу, — все время тянет поправить, немедленно дать указание... И вдруг вспоминаешь, что сделать ничего нельзя, ты просто пассажир.

Вспомнил свою встречу с Лешеком Бальцеровичем — министром финансов, исполняющим обязанности премьера Польши, год назад, в декабре 1991-го. Мы раньше лично никогда не встречались. Пару раз разминулись на экономических конференциях. Но было много общих знакомых: его заместитель в польском Министерстве финансов Марек Домбровский, советник Яцек Ростовский, наши — Петр Авен, Константин Кагаловский, Сергей Васильев. По-моему, у Петра Авена Бальцерович в конце восьмидесятых ночевал дома — не было денег на гостиницу.

Лешеку выпало первому начинать серьезные реформы после развала социалистической экономики, поэтому ему было особенно тяжело. К концу 1991-го за ним — серьезные преобразования, либерализация экономики, открытие внешней торговли, постепенное становление частного сектора. И вместе с тем — крутое падение объема промышленного производства, сохраняющаяся довольно высокая инфляция, рост дифференциации доходов. Общая оценка произошедшего хорошо выражена в названии вышедшей к этому времени книги Г. Колодко "Упущенный шанс". Еще никто не знает, что проведенные в Польше реформы заложат основу динамичного индустриального роста, который начнется в 1993 году. Что в 1996 году Польша, с ее впечатляющим ростом промышленного производства, станет самой быстрорастущей страной в Европе, одной из самых динамичных в мире. Что пройдет не так уж много времени, и весь мир заговорит о начинающемся польском экономическом чуде. Но все это потом. А в это время Бальцерович — один из самых непопулярных и ненавидимых в Польше лю-

дей, "ограбивший" народ — на грани отставки. Она произойдет через несколько недель после нашей встречи. Лешек явно это понимает. Разговариваем, пытаюсь в максимальной степени почерпнуть практический опыт, особенно детали, которые не найдешь ни в каких аналитических материалах, статьях, книжках.

Польша раньше вошла в режим интенсивного финансового кризиса разваливающегося социализма, начала реформы. Давно привык, при всех различиях наших экономик, рассматривать ее как точку отсчета, позволяющую выявить, проанализировать те проблемы, с которыми предстоит столкнуться России в ходе рыночных преобразований.

В декабре 1991 года думаю о происходящем в Польше и с личной точки зрения. Примерно таким будет мое положение, так же будут ненавидеть через пару лет и меня, даже если в неизмеримо более сложных российских условиях сумеем включить рыночные механизмы, не допустим гиперинфляции, введем конвертируемый рубль, наполним рынок, создадим базу экономического роста. Что и говорить, не слишком вдохновляющая перспектива.

Летом 1992-го был с визитом в Польше. К этому времени Лешек уже ушел в отставку, думал, писал. Поздно вечером, после официального протокола, пошли посидеть с ним в один из варшавских кабачков. Говорили об экономике, о сути проблем постсоциалистической трансформации. Казалось, что Польша уже начинает выбираться из кризиса, указывая путь, по которому пойдут другие страны. На жизнь и превратности политической судьбы Бальцерович не жаловался, но глаза были грустные, как у летчика, которого отстранили от полетов. Я думал, что, если доживу до отставки, такое же настроение, некоторое время спустя, будет и у меня.

Потом мы не раз встречались, обменивались экономическими материалами, подружился. Бальцерович возглавил польскую либеральную партию

"Союз свободы". Постепенно понимание того, что было им сделано для Польши, в общественном сознании ширилось, И все же никогда не забуду выражение лица одного из самых выдающихся экономических реформаторов двадцатого века через несколько месяцев после его отставки.

В декабре 1992 года решил взять отпуск, уехать подальше от газет, телефонов, поработать спокойно. Ведь начиная с августа 1991-го просматривать экономическую литературу удавалось лишь урывками. Хотелось быстрее восполнить этот пробел.

Из просмотренных материалов складывалась достаточно ясная общая картина. Экономические преобразования начала 90-х годов в Восточной Европе, в республиках бывшего СССР явились реакцией на естественный кризис социалистической модели, на развал обеспечивавших ее функционирование политических, хозяйственных и силовых структур. С этим исторически неизбежным вызовом времени столкнулись страны, существенно различающиеся по своей территории, по структуре экономики, по уровню сохранившихся национальных рыночных механизмов. И если проанализировать, как разные страны попытались, каждая по-своему; ответить на этот вызов и сформировать свою, адекватную ему экономическую политику, то можно сделать некоторые общие выводы. Позволю себе перечислить наиболее существенные из них.

— Резкое падение производства — неизбежный результат кризиса социалистической системы микроэкономического регулирования, ее вынужденной форсированной перестройки. Падение промышленного производства нигде не составляет менее 30 процентов достигнутого максимума и охватывает период не менее трех лет. Отсрочка запуска рыночных механизмов при нарастающей неэффективности традиционных приводит лишь к тому, что падение производства начинается до реформы (СССР, 1990-1991 гг.). Страны, первыми начавшие ради-

кальные преобразования, первыми же восстанавливают экономический рост (Польша, 1993 г.).

— Важнейшие факторы, определяющие трудности запуска рыночных механизмов и связанные с ними издержки, производны от масштабов финансовых диспропорций, оставленных в наследство социализмом, и плачевного состояния национального частного сектора. По этим параметрам в наиболее благоприятных условиях к началу реформ находились: Венгрия, с ее масштабным частным сектором, сформированными рынками, отсутствием денежного навеса и ограниченными диспропорциями в денежных потоках; Чехословакия, единственная из социалистических стран, сохранившая до победы революции традиционную финансовую стабильность; Польша, которая и в рамках социализма сохраняла частный сектор. Именно в этих странах прогресс в становлении рыночной экономики был наиболее быстрым, падение производства — наименьшим.

Республики же бывшего Советского Союза унаследовали не только масштабные финансовые диспропорции и неразвитый частный сектор, но и рекордно высокую военную нагрузку на экономику. Отсутствовали к началу реформ и важнейшие рычаги регулирования, включая полноценные центральные банки. Все это и определяло трудность адаптации экономики к принципиально новым условиям. К этому следует добавить и важный психологический фактор: за долгие годы коммунистического правления общество в значительной степени утратило навыки индивидуального труда — основы рыночного хозяйства.

Далее:

— В условиях постсоциалистической экономики инфляция — прежде всего денежный феномен. Либерализация цен переводит подавленную инфляцию в открытую. Практически повсеместно (кроме Венгрии) первоначальный скачок цен примерно вдвое превышает предварительные оценки. При

сдержанной денежной политике темпы их роста, заданные первоначальным либерализационным импульсом, удастся в течение года свести до уровня, не превышающего 2-3 процентов в месяц, открыть тем самым возможности для инвестиций в национальное производство.

Как следствие сказанного, — а к этому можно было бы добавить и многое другое, — страны, которые выдержали последовательную линию на радикальные реформы, через два-три года после их начала обретают действенные механизмы рыночного микрорегулирования, быстро развивающийся частный сектор, открытую экономику, приемлемый уровень денежной стабильности. На первый взгляд, может показаться, что, заплатив падением объема производства за выход из социализма, они могут теперь уверенно двинуться по пути устойчивого роста. Однако реальность гораздо жестче. И после решения самых неотложных задач стабилизации социалистическая модель оставляет в наследство тем, кто пытается вернуться на путь капиталистического развития, непростые долгосрочные проблемы, прежде всего — социально-политического характера.

Запуск несовершенных рыночных механизмов, экспансия легального частного сектора неизбежно вызывают быстрый рост социальной дифференциации, особенно болезненной для стран бывшего социализма с царившей в них психологией уравниловки. И это приводит к серьезным политическим коллизиям. Пауперизация значительных групп населения на фоне вызывающей роскоши нуворишей становится долгосрочной питательной средой политического радикализма.

Как и для традиционного капитализма, главным противоядием против интенсификации социального неравенства может служить динамичный экономический рост, однако сочетание ряда негативных факторов существенно осложняет постсоциалистическим странам прорыв на этом направлении. Соци-

алистическая модель развития опиралась на перераспределение ресурсов через государственный бюджет, который обеспечивал финансирование инвестиционных проектов. Роль негосударственных источников накопления, в первую очередь сбережений населения, была незначительной, а жесткий политический контроль, позволяя обеспечивать высокий уровень централизации финансовых ресурсов в руках государства, препятствовал посягательству различных социальных, профессиональных, ведомственных групп на перераспределение ресурсов в свою пользу.

А потому первым следствием ослабления политического контроля в странах позднего социализма повсеместно становились подрыв эффективности механизмов государственного финансирования, развал государственного бюджета, инфляционный кризис. Государство, лишенное традиционных механизмов принуждения, но по-прежнему обремененное грузом патерналистской ответственности, было уже не в состоянии финансировать накопление в минимально необходимых масштабах. Попытки же решать проблему за счет дефицитного финансирования лишь усугубляли инфляционный кризис.

Резкое сокращение государственных накоплений становится причиной развития тяжелого кризиса в самом широком круге отраслей. Происходит деградация основных фондов, и в то время, когда отраслям, предприятиям, сталкивающимся с принципиально новыми рыночными условиями, жизненно необходимы инвестиционные ресурсы для обеспечения структурной перестройки, общество не в состоянии их мобилизовать. Именно в этом — корни глубокого кризиса постсоциалистической экономики и суть тех проблем, которые необходимо решить в ближайшие годы. Без этого невозможно динамичное экономическое развитие.

На какой-то период создается патовая ситуация, когда прежние источники финансирования уже не

работают, а новые — еще не работают. Недавно легализованная частная собственность не дает на первых порах гарантий стабильности, и это сдерживает стимул к частным инвестициям, особенно долгосрочным. В то же время уровень добровольных сбережений домашних хозяйств — важнейший источник финансирования рыночного развития — традиционно невысок, что естественно для стран с бедным населением и относительно развитыми социальными программами.

Все вышесказанное позволяет ответить на вопрос о том, что же нужно сделать, чтобы обеспечить динамичный экономический рост, а следовательно, и социальный мир в постсоциалистических странах. Для этого необходимы макроэкономическая стабильность и низкие прогнозируемые темпы инфляции, открытость экономики и доступ к перспективным рынкам, четкие гарантии собственности и солидный уровень финансовой ответственности, высокие частные сбережения и инвестиции, эффективные программы помощи бедным и сохранение политической устойчивости.

Проблема за "малым" — как странам, оказавшимся в постсоциалистической ловушке, осуществить все это?

Есть над чем поломать голову. При всем том, в который раз анализируя действия нашего правительства, прихожу снова и снова к выводу, что избранный нами магистральный путь был верным.

Это поняли, хотя отнюдь не всегда публично признавали, многие из тех, кто был причастен к экономической политике периода краха социализма в России. Приведу здесь только мнение бывшего первого заместителя премьер-министра СССР Владимира Щербакова. Вот что он сказал в интервью газете "Известия":

"Я никогда не критиковал Гайдара. Я-то знаю, что у него не было иного выбора. Существует внутренняя логика экономических процессов, от кото-

рой не может уйти никто. Логика, с которой должно было считаться любое правительство в нашей стране в то время, определялась самой структурой производства, которое складывалось десятилетиями и изменяться могло тоже только в течение немалых сроков... Когда рухнул административный контроль, — а это было неизбежно, — столь же неизбежными стали и либерализация цен, и обесценение сбережений, сделанных на старой экономической основе. Можно только удивляться, как мало ошибок сделала команда Гайдара в тех условиях. Другая команда могла бы их сделать больше..."

...Сидя далеко от Москвы над грудой статистических сборников, над кипами экономических журналов и стопками рефератов, радио не слушал, телевизор не смотрел, газет не раскрывал и, уж конечно, оставшихся в правительстве коллег не беспокоил. Так мне казалось легче избавиться от "синдрома водителя", который вдруг лишился руля. Но 8 января 1993 года меня разыскал по телефону А.Чубайс, сказал, что правительство решило заморозить цены и на потребительском рынке паника, что он пытается добиться отмены решения, но ему тяжело, срочно нужна помощь.

Что же произошло? Тогда Чубайс объяснил мне ситуацию в нескольких словах, позже вся картина обрела четкость и законченность.

Оппозиция восприняла назначение В.С.Черномырдина как свою крупную победу. Страницы "Правды" и "Советской России" в конце декабря заполнены письмами — обращениями к новому премьеру с призывами положить решительный конец антинародной политике Гайдара. Вот характерный отрывок из материала, опубликованного в газете "Правда" 31 декабря:

"Со всей этой рыночной вакханалией вершится страшное зло — создается самая неэффективная, мелкотоварная, но крупнозатратная форма экономики. Это ставит под угрозу все республики бывше-

го Союза. Ведь как аукнется в России, так откликнется в СНГ. Уже сегодня "реформаторы" выполняют обещание, которое Ельцин дал с телеэкрана: "Мы потянем за собой все республики". Ослепленные ненавистью ко всему, что было достигнуто советским народом, они активно тянут всех в пропасть. Кто оставит их?

Мы обращаемся к россиянам: на вас надежда! Обращаемся к Черномырдину: не предавайте Россию, будущее ее не в рынке и не в частной собственности, которые разделяют людей, а в разумной организации экономики на прогрессивных принципах социализма, соборности. Обращаемся к ученым, депутатам, оставшимся верными народу: объединяйтесь, чтобы спасти Россию от разрушительных реформ, несущих ей и всем нам гибель".

На нового премьера с первых же дней его деятельности обрушился шквал финансовых запросов и требований. Его слова о рынке "без базара" и реформах без ухудшения жизни народа воодушевили любителей бюджетной кормушки, породили надежды, что В.Черномырдин в монетаризме нетверд и, поднажав на него, деньги выбить можно. Кое-кому это удалось, что, в свою очередь, породило ажиотаж, ведь принять, скрепя сердце, то, что правительство не дает денег никому, в конце концов можно, но если их вдруг получил разворотливый сосед, а твоя отрасль или возглавляемое тобой крупное предприятие осталось ни с чем — это непереносимо.

Находящееся в процессе реорганизации правительство Черномырдина гнется, отступает. За последние две недели декабря прирост кредитов Центрального банка правительству превышает совокупное эмиссионное финансирование бюджета почти за весь предшествующий год! Одновременно прирост кредитов Центрального банка коммерческим банкам, составлявший в сентябре-ноябре 160 млрд рублей в месяц, в декабре приближается к 900 млрд. В целом за месяц общий объем кредитов ЦБ возрас-

тает более чем в полтора раза. А это значит, что все результаты осенней ограничительной политики обесценены, страна вновь оказалась на пороге гиперинфляции.

А в министерствах и ведомствах тем временем идет круговерть бумаг — полезных, безвредных, опасных. К числу ведомств, руководители которых профессионально работали в старой системе управления, но с огромным трудом приспособляются к новой ситуации, новым требованиям, относится и Комитет цен. Некогда мощный орган, расположенный в Доме на набережной, он еще в начале 80-х годов был одним из центров борьбы против экономического либерализма. Возглавлявший его когда-то колоритный Н.Глушков предупреждал руководство компартии и правительства о вредных идейках, исповедуемых в Центральном экономико-математическом институте. Именно в этом Комитете, в бытность его председателем В.Павлова, была подготовлена окончательно погубившая правительство Н.Рыжкова реформа ценовых преискурантов. В 1992 году Комитет лишили статуса государственного и подчинили Министерству экономики. Его возглавила Лира Ивановна Розенова, добросовестный и высококвалифицированный специалист. Однако при всей компетентности — сердце ее навсегда было отдано системе всеобщего административного контроля цен. Во всякие новомодные идеи управления ценами через совокупный спрос, денежную массу она верила слабо. Из недр Комитета нет-нет да и прорывались и в наше правительство предложения заморозить цены, ну хотя бы на что-нибудь. Стараясь не обижать милейшую Лиру Ивановну, я, тем не менее, направлял их обратно, ласково рекомендуя сосредоточиться на контроле цен естественных монополий, с которым Комитет справлялся далеко не лучшим образом, и на сокращении сферы прямого административного регулирования цен там, где оно уже явно себя изжило.

Очередное предложение о расширении административного управления ценами поступило ко мне из Комитета в конце ноября 1992 года, и я обычным образом завернул его, снова дав рекомендации, в каком направлении следует работать. Не исключая, что именно это самое предложение и легло на стол новому премьеру. Насколько мне стало известно, это произошло в канун нового, 1993 года. Документ ему отрекомендовали как завещание Гайдара — якобы давно он к этому шел, да вот только времени не хватило. В.Черномырдин быстро и решительно поставил подпись. Новогодний подарок россиянам!

Сочетание кредитной накачки экономики, роста инфляционных ожиданий, связанных с переменами в правительстве, и попыток приморозить цены принесло результаты немедленно. Российские потребители, на чисто бытовом уровне уже понявшие, к чему все это может привести, бросились раскупать товары, пока они еще имелись в магазинах. Поднялась волна ажиотажного спроса. При высоких недельных темпах инфляции индекс насыщенности потребительского рынка пошел вниз. Вот почему А.Чубайс и разыскал меня, попросив энергичной помощи в отмене этой губительной меры.

Уходя в отставку, я зарекся вмешиваться в текущее управление экономикой. Но это было уже слишком. Допустить, чтобы достигнутое тяжким трудом разом пошло насмарку, чтобы в страну вновь вернулись очереди, а людей посадили на талоны, — это уже было чересчур.

Сразу попытался связаться с Черномырдиным, не получилось. Тогда позвонил президенту, сказал, что крайне обеспокоен, прошу прочитать записку, которую срочно ему направляю, и отменить решение о ценах. Да и вообще — умерить инфляционные аппетиты нового правительства. Через несколько дней узнал, что злополучное постановление отменено.

Проявившиеся с самого начала колебания и двойственность в проводимом правительством кур-

се были в первой половине 1993 года характерной чертой экономической жизни России. Показательным в этом смысле стал дальневосточный эпизод. Не имея столь уж серьезного экономического значения, он, тем не менее, ярко высветил тогдашний стиль работы правительства, в котором начала заметно проглядывать наша давняя государственная традиция — сделать народ ну хоть чуточку счастливее путем опубликования очередного высокого указания.

В январе правительство утвердило новые правила эксплуатации автомобилей. Наряду с прочими техническими статьями, разумными и полезными, в них содержалось запрещение использовать в России автомашины с правосторонним расположением руля. Вроде бы логично: безопасность на дорогах повысится. И никто не взял на себя труд сообразить, что резко возросший импорт из Японии на Дальний Восток сделал машины с правосторонним управлением очень распространенным здесь транспортным средством. Буквально весь огромный регион поднялся в борьбе за свои права. Правительству пришлось отменить принятое решение.

По противоречивым шагам было заметно, что правительству очень хочется, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, оказать финансовую поддержку промышленности, сельскому хозяйству и, вместе с тем, — не сломать еще хрупкие, но начавшие работать рыночные регуляторы. Эта двойственность сфокусировалась и в персоналиях: первый заместитель председателя правительства и министр экономики Олег Лобов был решительным сторонником активного государственного регулирования, а министр финансов Борис Федоров — не менее твердым либералом-антиинфляционистом. А в результате правительственная политика получала воплощение в двух разных, зачастую противоположных курсах.

Под давлением сторонников "поддержки производства", "реформ без обнищания" принимаются ре-

шения о новых дотациях: на хлеб, на производство минеральных удобрений, на комбикорма и т.д. Правительство еженедельно рассматривает и одобряет новые федеральные программы, требующие обильных бюджетных ассигнований на увеличение централизованных капиталовложений, на поддержку различных регионов. Общий уровень бюджетных обязательств непрерывно возрастает.

Если бы все принятые правительством в первой половине 1993 года решения в полной мере финансировались, крах денежной системы, гиперинфляция стали бы неизбежными. Но Министерство финансов ничего подобного делать не спешило. Вне зависимости от правительственных обещаний и обязательств оно удерживало финансирование федерального бюджета на уровне, близком к 20 процентам ВВП, покрывая эти расходы налоговыми поступлениями, кредитами Центрального банка, начинающимся заимствованием как на внутреннем рынке, так и у международных финансовых институтов.

Так в классическом детективе работает схема двух следователей. Один добрый, все понимает, стремится всем помочь. Это — премьер В.Черномырдин. Правда, у него беда — никак он не может справиться со злым министром финансов Б.Федоровым.

Горе такой тактики, как и всякого лукавства в экономической, да и в любой другой политике, в том, что, позволяя на время сбить остроту конфликтов, она имеет неприятные последствия. Обязательства государства — это ведь не болтовня досужего обывателя, они сразу включаются в производственную программу предприятий, в их финансовые планы, материализуются заказами на комплектующие материалы. И когда вдруг выясняется, что все это блеф, платить никто не будет, тогда уже само правительство становится источником усугубления платежного кризиса. Больше того, подавая пример необязательности, оно дает индульгенцию предприяти-

ям: если рк государство не платит, с какой стати они должны платить? Трудно придумать тактику, которая бы эффективнее работала в пользу экстремистов, радикальной оппозиции.

Как бы то ни было, но в первом полугодии удается поддерживать темпы роста денежной массы на уровне, близком к 20 процентам. С марта по июнь на том же уровне колеблются и месячные темпы роста потребительских цен. Но все это — на бюджетной бомбе замедленного действия. Откладывать выбор курса, вести игру в двух следователей нельзя до бесконечности. Все равно придется что-то решать.

Еще одно ключевое направление экономической политики, вокруг которого разворачивается борьба, — приватизация. Здесь наше стратегическое преимущество — уже начавшийся процесс, выдача россиянам 148 миллионов ваучеров. Остановить или повернуть все это вспять теперь очень рискованно, а скорее всего — невозможно. Парламентское большинство колеблется между страстным желанием запретить и страхом перед политическими последствиями такого шага. Его тактика — задушить приватизацию чужими руками. Конкретно — руками областных Советов. Коммунистический Челябинский областной Совет по явной указке из Москвы принимает решение о приостановке приватизации на территории области. Его примеру следуют в ряде других областей.

А.Чубайс понимает, что, если это не пресечь в зародыше, сражение проиграно. Бросает все дела, летит в Челябинск, выступает перед гражданами по областному телевидению, рассказывает, кто и как хочет отнять у них права на собственность, объясняет, убеждает. Бывший первый секретарь областного комитета КПСС, а теперь председатель Челябинского областного Совета П.Сумин, которому через несколько дней баллотироваться на пост главы областной администрации, капитулирует, собирает облсовет, проводит решение об отмене постановления.

Приватизация в области продолжается, а за Челябинском отстают и другие.

Разъяренные провалом этой кампании, лидеры парламентского большинства включаются в дело сами. Формально не останавливая приватизацию, они предлагают внести в действующее регулирование ряд поправок, позволяющих полностью парализовать работу. А. Чубайс идет на обострение, играет как бы в поддавки, готовит распоряжение о полном прекращении всех начатых приватизационных процедур, объясняя при этом последствия принятия такого решения. То, что было задумано Верховным Советом как тихое, позиционное удушение, неожиданно перерастает в генеральную баталию прямо накануне референдума о доверии. В последний момент, испугавшись последствий, оппозиция отступает.

С трудом отбиваясь от нападений со всех сторон, в том числе и со стороны почувствовавших ослабление позиций Госкомимущества отраслевых министерств, приватизацию все же удается двигать вперед, и это, пожалуй, самое главное из того позитивного, что происходит в российской экономике в 1993 году.

Зато в сфере аграрной реформы — полное поражение. Слабые, неустойчивые ростки 1992 года смены правительства не пережили. Достигшее к декабрю 1992 года 180 тысяч число крестьянских хозяйств в начале 1993 года еще по инерции увеличивается, но к концу весны этот рост останавливается. Местные органы власти возвращают большую часть земель федерального фонда перераспределения реорганизованным колхозам и совхозам. Возможности выйти из колхозов с землей ограничиваются местной администрацией в подавляющем большинстве регионов.

* Без какой-либо необходимости сохранены обязательные задания по объемам поставок в госресурсы. Прекрасная возможность для аграрного лобби затормозить развитие рынка сельхозпродукции, взва-

лить на государство финансирование их заготовок и, взяв за горло правительство, выбить цены, намного превышающие уровень биржевых. Взятые drogнущим правительством на себя финансовые обязательства явно невыполнимы, далеко превосходят то, что было намечено на эти цели в бюджете. Никаким урезанием социальных расходов эту брешь не закроешь. Непростая финансовая ситуация становится и вовсе трудноуправляемой. К бюджетной бомбе приставили зажженный фитиль.

После отставки я отклонял предложения вступить в какую-либо политическую организацию, был уверен — целиком и полностью возвращаюсь в науку. Вынужденное вмешательство в дела правительства в январе 1993 года по поводу отмены решения о замораживании цен и излишней щедрости финансовой политики считал случайным эпизодом, связанным с незавершенностью передачи дел. Но постепенно понял, что отстраниться от политики невозможно. Это мы начали масштабные и тяжелые реформы, которые круто изменили жизнь страны, позволили решить часть старых проблем, но одновременно породили новые. Тем самым на нас и лично на меня легла моральная ответственность за все их последствия. И, как бы ни развивались события, никакая отставка от этой ответственности освободить не может. Ведь вот уже давно в кресле премьера иной человек, а часть людей по-прежнему яростно клеймит “антина родный гайдаровский курс”, другие его защищают. И от этого не убежишь, не спрячешься. Да и сам я, может, даже сильнее, чем когда был у руля, чувствую боль за все просчеты, ошибки.

Замкнуться дома за письменным столом, уйти с головой в институтские дела, заявить, что меня не поняли, не оценили, а потому я умываю руки, считаю непорядочным. Тем более, что политическая ситуация осложняется, рождая сознание нарастающей опасности, предчувствие грядущей схватки, исход которой может стать судьбоносным для России.

Важнейший внутренний источник политической нестабильности 1992-1993 годов — Конституция РСФСР в составе СССР, т.е. конституция государства, не обладавшего реальной самостоятельностью. Она была декоративным фасадом, призванным прикрыть и приукрасить тот простой факт, что никаких реальных законов в России нет, а есть всецелое политбюро ЦК КПСС. Теперь, когда этот стержень — положение о руководящей и направляющей роли партии — из нее удален, все в этом декларативном тексте стало шатким, неопределенным, двусмысленным. Сколько теперь ни вчитывайся в этот торопливо латаный-перелатаный текст, не найдешь четких, однозначных ответов: как разграничены прерогативы президента, правительства, Съезда, Верховного Совета; что могут и чего не могут делать власти регионов, городов; как поступить, если они принимают противоречивые решения... Отсюда — постоянные конфликты, правовой хаос.

К примеру, Р.Хасбулатов, всего лишь первый заместитель председателя Верховного Совета, подписывает решение о независимости крупнейшего российского предприятия — концерна "Российский никель". Ну хорошо, я поддерживаю независимость этого расположенного на Крайнем Севере уникального гиганта, больше того, стараюсь всемерно этому делу помочь. Но вообще, вот такая бумажка за подписью Хасбулатова кого-нибудь к чему-либо обязывает? Нет ответа...

Или вот еще. По итогам конкурса на разработку участка сахалинского шельфа ("Сахалин-2") компетентная правительственная комиссия принимает решение о выдаче прав на выработку технико-экономического обоснования американо-японскому консорциуму. И еще до того, как закончена, буквально сразу, недовольные конкуренты пробивают в Верховном Совете решение об отмене результатов тендера. И такое — повсюду.

Характерный пример анархии, порождаемой

двоевластием, — ситуация, сложившаяся к началу осени 1993 года в Челябинской области. Там по решению областного Совета были назначены выборы главы администрации. Суд эти выборы, назначенные с процедурными нарушениями, отменил. Тем не менее они были проведены. Верховный Совет признал победившего на них Петра Сумина главой администрации Челябинской области. Правительство и президент продолжали признавать действующего главу администрации, Вадима Соловьева. Часть глав администраций районов и городов перешли на сторону Сумина, часть остались лояльными Соловьеву.

Дальше больше. Центральный банк и его Челябинское отделение признали власть П.Сумина. Министерство финансов продолжало считать главой администрации В.Соловьева. Начальник областной милиции переметнулся на сторону Сумина, начальник городской — остался верен Соловьеву. Поток противоречивых указаний, полный хаос в финансировании, бесконтрольность. Виктор Черномырдин требует от Геращенко подтвердить полномочия В.Соловьева, Руслан Хасбулатов звонит ему с требованиями поддержки Сумина.

Очевидно: в таком состоянии государственная машина просто не может работать, складывается обстановка безвластия, анархии. Сама слабость государства в решении важнейших задач: обеспечении законности, правопорядка — катализатор роста преступности.

В этой ситуации стабильная хозяйственная деятельность, долгосрочные контракты, крупные инвестиционные проекты вовсе невозможны. Больше того, постоянно расшатывается, не может стабилизироваться вся структура российской государственной власти.

Давным-давно, еще на I Съезде народных депутатов России, было решено разработать новую Конституцию, вынести ее на референдум. Но руководством Верховного Совета дело сознательно затягива-

ется, ведь оно, это руководство, имеет возможность сколько угодно по своему вкусу переигрывать старую Конституцию: переделывать, обстругивать, украшать шипами, набалдашниками, чтобы использовать как дубинку в политической борьбе.

Весь этот период в России действует, пожалуй, один из самых безответственных парламентов в истории демократии. Принятое Верховным Советом решение о приватизации депутатами их служебных московских квартир показывает, что мораль как сдерживающий фактор отключена и большинство депутатов готово приступить к приватизации страны для себя и своих родственников. Проект "Закона о наследственном депутатстве", распространенный в Верховном Совете одним из немногих демократических депутатов как пародия на текущее законотворчество, вдруг перестает звучать шуткой.

Положение президента сложное. Он, всенародно избранное высшее административное лицо государства, гарант его безопасности, видит, что серьезной угрозой России становится неограниченное всевластие безответственного Съезда. И вместе с тем, у президента нет зафиксированных Конституцией прав, позволяющих защитить граждан от этой угрозы. Он не только не может назначить новые выборы, но даже не имеет права сам объявить по этому вопросу референдум, чтобы опереться на прямое волеизъявление граждан страны.

В этих условиях Борис Ельцин идет на широкий компромисс, делает уступки. Большинство в Верховном Совете расценивает это как признак слабости и только ждет сигнала, чтобы наброситься на ослабевшую жертву.

Замена премьера воспринята оппозицией как поражение президента. Руслан Хасбулатов снова в седле, декабрьское соглашение ему прощено, а точнее, отнесено на счет его политической прозорливости: просто мудрый вожак вывел оппозицию к желанной цели обходной, безопасной тропой. Зачем

же теперь, после победы, выполнять достигнутое на VII Съезде соглашение? Оно и аннулируется, никакого референдума не будет. Когда же об этом спрашивают мнение председателя Конституционного суда Валерия Зорькина, главного инициатора соглашения, его гаранта, тот отвечает, что так для России будет лучше.

И все же лидеры оппозиции снова совершают серьезный просчет, переоценивая свой успех, а главное, опять проявляют непростительное пренебрежение к мнению народа. Уже ближайшее время показывает, что весь ход VIII Съезда, демонстративная, неприкрытая наглость депутатского большинства, легко отказывающегося от принародно взятых обязательств, открытое нежелание прислушиваться к голосу народа, спросить его мнение — все это вызывает в России широкую волну протеста.

Когда президент через голову Верховного Совета напрямую обращается к народу с призывом провести референдум, ситуация отличается от декабрьской уже радикально. Обществу стал понятен смысл происходящего. Теперь призыв президента встречает широкий отклик.

Правда, перемену в общественном настроении людей поняли далеко не все и не сразу. Вице-президент Руцкой, в очередной раз неверно оценив обстановку, успевает снова перевернуться на сторону Верховного Совета. Р.Хасбулатов, открывая его экстренную сессию, явно доволен, почти не скрывает торжества. Он тоже уверен: президент сделал роковой, ведущий к неминуемому проигрышу шаг. Конституционный суд наскоро принимает решение о неконституционности действий президента, его председатель, миротворец В.Зорькин, роняет пару крокодиловых слез: "Мне жаль вас, Борис Николаевич".

Теперь, считает оппозиция, все! Сейчас дрогнет Черномырдин, которому так дружно аплодировали на Съезде и с которым так обходителен и ласков Хасбулатов, дистанцируются от Ельцина министры

обороны и внутренних дел и — импичмент гарантирован.

Но время идет. В. Черномырдин отмежевываться от президента не спешит. Настроение у Р. Хасбулатова портится. Он уже не может скрыть досаду, публично обменивается колкостями с министром обороны. В день, когда срочно созванный Хасбулатовым Съезд должен проводить голосование по вопросу отстранения президента от власти, демократы проводят митинг у Спасской башни Кремля, на Васильевском спуске.

Утро солнечно, ветрено и прохладно. Колонны собираются на Тверской, чтобы, спустившись вниз к Манежной, пройти через Лубянку, а затем по набережной — к Красной площади, к собору Василия Блаженного.

Первый раз после отставки появляюсь на людях. Идем с отцом в одной шеренге. С радостью вижу и своих соратников, и тех демократических лидеров, с которыми ссорились и спорили в минувший год, и тех сторонников президента, которые после декабрьских изменений в составе правительства отошли было от него, но сегодня и они в общих рядах. На Манежной площади, оглянувшись, вижу, что вся уходящая вверх Тверская насколько хватает глаз запружена народом, людское море залило центр города. Выходим к набережной — новые колонны спешат по мосту из Замоскворечья...

В колоннах весело. Может, у кого-то и кроется в душе тревога, но сейчас она незаметна. Песни, смех, шутки, подчеркнутая доброжелательность: "Пропустите ветерана!", "Осторожно, здесь выбоина!", "Друзья, спокойнее!" Даже лозунги и плакаты веселы, остроумны, жаль, что не запомнил...

Митинг под стенами храма Василия Блаженного. Иногда оратора, который говорит правильные и нужные вещи и которого слушали с вниманием, вдруг прерывает недовольный гул, он оглядывается в растерянности и, поняв в чем дело, улыбается и

продолжает речь. Это за его спиной на цоколе храма возник, наблюдает за митингом кто-то из депутатов.

Вот и моя очередь выступить. Но едва успеваю произнести первые слова, как ощущаю, что внимание огромной аудитории переключилось на кого-то другого. Из Спасских ворот выходит президент, поднимается на трибуну. Рядом с ним хмурый, озабоченный Черномырдин. Президент сообщает митингу, что начат подсчет голосов, но каков бы ни был результат, он не признает решений Съезда, лишаящих его власти, пока народ не выскажется на референдуме по этому вопросу. Овация. Да, видимо, другого выхода нет. Но я мысленно проигрываю худший сценарий возможного развития событий: Съезд голосует за импичмент. Руцкой принимает присягу. В стране два президента, возможно, два премьер-министра и наверняка по паре министров обороны, внутренних дел. Кто может сказать, как поведут себя силовые министры, не обернется ли все это боями в Москве?

Ельцин и сопровождающие его люди возвращаются в Кремль. Нужно продолжить свою речь. И я говорю то, что думаю. Как бы ни было опасно, как бы ни было трудно, вот так просто, из-за прихоти потерявших связь с народом депутатов, Россия свою свободу, свои надежды не отдаст.

Ораторы, ораторы, ораторы... Стемнело. Не расходуется митинг. Лучи прожекторов скользят по головам. Поздним вечером на трибуне вновь появляется президент, теперь уже со свитой, многочисленной и веселой. Голосов для импичмента не хватило. Съезд, почувствовав, что зашел слишком далеко и настроение общества не в его пользу, дает согласие на референдум. Теперь надежда Хасбулатова основывается на том, чтобы похитрее сформулировать вопросы, на которые россиян попросят дать ответ. Первый вопрос — доверие к президенту. Вторым по логике должен быть — доверие к Съезду, но вместо него ставится вопрос о поддержке курса экономической политики, начатой 2 января 1992 года.

Ход сильный. Даже мне на такой вопрос честно поставить в бюллетене коротенькое однозначное "да" непросто. Ведь не было единого курса экономической политики в этот период. Была борьба, удачи, отступления... Вот и сейчас отнюдь не все, что делает правительство В.Черномырдина, меня устраивает. Что же тогда говорить о других. Ведь как ни напминай человеку о прошлых очередях, о всеобщем дефиците, для него важны не печальные воспоминания, а насущный день. А день этот пока вовсе не легкий. Резко возросшие цены, пропавшие сбережения... И человек не обязан учитывать в своем ответе, что мы расплачиваемся за семьдесят лет тупикового пути, да еще и за пять лет колебаний горбачевской перестройки.

Таким образом, если даже президент одержит победу, получив личное доверие, она будет обесценена поражением по вопросу второму. Президента-то, может, и поддерживают, а вот политику его народ не признает. За несколько дней до референдума оппозиция выбрасывает еще одну козырную карту. Вице-президент А.Руцкой привозит в Верховный Совет свои знаменитые "одиннадцать чемоданов" компромата и требует срочного выступления с прямой обязательной трансляцией по радио и телевидению.

В длинной, патетической речи — разнообразный малосимпатичный набор: от реальных фактов злоупотреблений, материалы по которым он обязан был не хранить на черный день в чемоданах, а давным-давно передать прокуратуре, до слухов и нелепиц, замешанных то на полном непонимании сути дела, то на умышленном искажении. Несколько раз звучит и мое имя. Оказывается, именно я вывез золотой запас и разбазарил изумруды. Да и в целом вся исполнительная власть, кроме кристально чистого вице-президента, погрязла в воровстве.

Что ни говори, а удар серьезный, и ведь дорого-то яичко как раз ко Христову дню. Пока разберутся,

поймут, что к чему, сколько времени нужно, а референдум — вот он! И как же доверять президенту, если вице-президент говорит, что у него в правительстве одни жулики.

Пока я был у власти, ритуальные обвинения в коррупции ко мне как-то не прилипали. Но в тот вечер после выступления Руцкого, как давно собирались, отправились с Машей во МХАТ на новый спектакль, и тут-то впервые почувствовал на себе по-особому заинтересованные взгляды: "подумать только, схарчил золотой запас страны и сидит, как ни в чем не бывало..." Положение неприятнейшее. Единственный выход — прямой, подробный, перед миллионами телезрителей разговор с Руцким, в котором можно показать всю несуразность его обвинений, привести цифры и факты. Но согласится ли он на такой диалог, на прямую дуэль?

Дал очень злое интервью популярной телевизионной передаче "Итоги" в надежде, что это его раззадорит. На следующее утро позвонил Олег Попцов, президент Российской телерадиокомпании, сказал, что А.Руцкой согласился на встречу в радиопередаче. Я попросил пригласить тогда уж и телевизионщиков. Увидев телекамеры, свита А.Руцкого всполошилась, замахала руками, но он сам, скривясь, согласился телеоператоров не выпроваживать. После разговора я вышел из студии в омерзительном настроении. Хотя и уличил Руцкого в массе передержек, рассказал, как на деле принимаются и реализуются решения об экспорте золота, о золотом запасе, который в 1992 году впервые за долгие годы не сократился, а увеличился, хотя и попытался продемонстрировать полную несостоятельность его примитивных экономических построений, было ощущение, что он буквально утопил все это в бесконечном словесном потоке. Согласно хронометражу, Руцкой наговорил в два с половиной раза больше, чем пришлось на мою долю.

Посмотреть передачу не смог, вечером уезжал в

Санкт-Петербург. Толькотам, навстрече, неожиданно для себя узнал, что общественным мнением явная победа присуждена мне, а эффект "чемоданных" выступлений в Верховном Совете во многом нейтрализован.

26 апреля итоги референдума подведены. Они оказались невероятными, неожиданными почти для всех. Президент не только получил общую поддержку, но 52 процента принявших участие в голосовании высказались за продолжение экономической политики, начатой в январе 1992 года. Таким образом на подразумевавшийся вопрос "хотите ли вы назад, в светлое коммунистическое прошлое?" большинство россиян ответило "нет".

После сокрушительного поражения оппозиции на референдуме, как мне кажется, Б.Ельцин был убежден: политический вопрос решен, страшный дамоклов меч — двоевластие уже не нависает над Россией. Теперь остается уверенно идти к принятию новой Конституции и на ее основе проводить выборы. Мнение народа — высшей инстанции демократии — высказано четко.

Поражение Верховного Совета понял и признал ряд прозорливых парламентских лидеров. Сложил депутатские полномочия, начал готовиться к новым выборам Н.Травкин. Один из заместителей председателя Верховного Совета, Н.Рябов, еще недавно надежнейшая опора Р.Хасбулатова, перешел на сторону вероятного победителя.

Очевидно и влияние референдума на поведение Центрального банка России. С осени 1992 года у нас оставались две наиболее серьезные слабости в денежной политике: технические кредиты государством Содружества и низкие ставки рефинансирования, стимулирующие искусственный спрос на централизованные кредиты и дополнительный рост денежной массы. Проблема технических кредитов, наследованная от автоматического импорта инфляции из государств рублевой зоны, особенно обост-

рилась в связи с тем, что на первой встрече с казахским руководством В.Черномырдин, еще не разобравшись в сути дела, дал согласие на отмену режима межреспубликанских корреспондентских расчетов. В построенном с таким трудом бастионе, ограждавшем пока еще зыбкую прочность российского рубля, вновь образовалась крупная брешь. В нее немедленно устремился поток пустых денег.

К весне Казахстан, оттеснив Украину, прочно занял роль лидера экспорта инфляции в Россию. Попытки Минфина взять под контроль технические кредиты, направлявшиеся Центральным банком из России в другие республики СНГ, стали малопродуктивными. Но с конца апреля, после референдума, ситуация меняется радикально. Дыра в рублевой зоне с Казахстаном ликвидирована, краны щедрых технических кредитов перекрыты. Финансовое сотрудничество с государствами СНГ вступает в русло общепринятых межгосударственных экспортных кредитов. Отделение рублевой зоны в безналичном обороте завершено. В будущее можно смотреть с оптимизмом. Параллельно, именно с этого времени, ЦБ начинает быстро повышать процентную ставку, выводить ее на реальный уровень.

Но если для многих политическое поражение парламентского большинства и необходимость досрочных выборов очевидны, то Р.Хасбулатов и его окружение отнюдь не готовы этот факт признать. Может быть, в первые дни после обнародования результатов референдума они при энергичных действиях президента и могли бы смириться с неизбежным. Но пока президент медлит, ожидая цивилизованной капитуляции политически разгромленных противников, шок у них быстро проходит, действует та же логика: если нас не распускают, значит — бояться. А раз так, то почему мы должны принимать новую Конституцию и идти на выборы? Как захотим — так и сделаем! После празднования 1 Мая, когда оппозиция провоцирует кровавые столкновения в

Москве, становится ясно — капитуляции не будет, на новые выборы депутаты не пойдут.

Пока президент работает над новой Конституцией, организует ее широкое обсуждение, ведет конституционное совещание, мощный импульс победы на референдуме начинает растворяться в затишье летних отпусков, сезонных забот о дачах и огородах.

В конце июля меня срочно разыскивает по телефону предельно взволнованный первый заместитель министра финансов А.Вавилов. Говорит, что он остался в министерстве за главного, министр Борис Федоров — в США и что только сейчас объявлено о денежной реформе. Министерство финансов вообще о ней не проинформировано, к ней не готово. Население возмущено. Вавилов сообщает детали: сумма обмена установлена на предельно низкой отметке, сроки обмена — сжатые, формальное обоснование — защита от рублевой интервенции республик. Спрашивает: можно ли, по моему мнению, что-то предпринять, поправить?

Все это звучит, мягко говоря, несусветной ерундой. Разумеется, проблема общей наличности при раздельном безналичном обороте реальна и серьезна. Она многократно обсуждалась, и единственно разумный путь ее решения — прекращение безвозмездной, по заявкам государств СНГ, отгрузки туда из России вагонов наличных денег. Если хотят покупать рубли — пожалуйста, Россия их может экспортировать, как мы получаем доллары США, но ведь не за спасибо же!

Безусловно, для окончательного решения проблемы нужны переговоры с республиками, возможно, даже сложные, но это совсем не то, что неожиданно ударить обменом денег, как обухом по голове. Кстати, начать такие переговоры давным-давно предлагал Минфин, еще тогда, когда российская наличность и шла вагонами в республики. Теперь же разом нарушались соглашения, дезорганизовывался хозяйственный оборот. Ну и, естественно, в оче-

редной раз открывался простор для финансовых манипуляций. Ведь можно крупно сыграть на разнице курсов наличного старого, нового наличного и безналичного рублей в России и в республиках. Если хотим помочь спекулянтам — лучше не придумывать!

Совершенно ясно, что неизбежный результат при любых ограничениях вызовет массовый сброс денег в Россию и панические закупки всех товаров, ускорение инфляции, удар по рынку. Ну и ко всему тому — людские нервы, испорченные отпуска, очереди в сберкассы — все до боли напоминает павловскую денежную реформу января 1991 года.

Ломаю голову: можно ли что-то исправить? К сожалению, немного. Остановить уже нельзя, и даже не по политическим, а по финансовым причинам; доверие к деньгам, подлежащим обмену, подорвано, декретами его не вернешь. Инфляционный импульс послан, действует. Единственное, что еще можно и нужно сделать, — снизить социальные издержки. Дозвонился до президента, сказал, что, на мой взгляд, совершается серьезная ошибка. Чтобы ее как-то сгладить, нужно увеличить сумму, подлежащую обмену, продлить его сроки и сохранить пока в обращении мелкие купюры. Президент согласился сразу, видимо, был готов к такому решению. Но все это, разумеется, уже не могло компенсировать политический и экономический ущерб.

Олучшем подарке оппозиция, пожалуй, не могла и мечтать. К концу лета стало ясно, что экономическая политика правительства разваливается на глазах. Принятые обязательства по объему госзакупок зерна и ценам на него, далеко превосходящие возможности государства, усугубили бюджетный кризис, сделали его неуправляемым. Предложения Минфина по срочному сокращению государственных обязательств, расходных программ без движения лежат в аппарате. Резкая публичная полемика членов правительства, особенно руководителей

Минфина и Минэкономики, подчеркивает факт отсутствия единой линии.

В августе, под влиянием денежной реформы, темп роста потребительских цен вновь подскочил до 26 процентов. Верховный Совет готовит финансовую бомбу, которая может взорвать экономику: постановление, обязывающее правительство в IV квартале выплатить все, что оно успело наобещать и что Минфин недофинансировал за три предыдущих квартала. Правительственная тактика щедрых посулов и жестких ассигнований привела-таки на край пропасти. Пришло время выбирать: либо быстрый развал денежного обращения, либо тяжелые меры по сокращению обязательств и честное заявление: что можем, заплатим, а что платить не можем, не будем и обещать.

Политическая ситуация к этому времени также резко осложнилась. Непопулярная денежная реформа, как и следовало ожидать, вызвала серьезное недовольство в обществе. У оппозиции появился контраргумент: разве такую политику поддержат россияне на референдуме? Стало окончательно ясно, что Съезд никакую новую Конституцию не примет и досрочные выборы не объявит. Больше того, он пойдет на новое обострение, будет готовиться к отстранению президента, даже пренебрегая конституционными нормами. Если потребуется — снизит кворум, исключит кого-то из депутатов, сторонников президента, упростит процедуру импичмента. Импичмент Ельцину на следующем же Съезде регулярно из номера в номер предрекает официоз Верховного Совета — "Российская газета".

Все говорит за то, что конституционные ресурсы исчерпаны. У народа на референдуме спросили, однозначный ответ получили, и теперь, вопреки его мнению, коалиция коммунистов, националистов и просто проходимцев требует убрать президента, которого еще совсем недавно убедительно поддержала Россия. И значит, у президента выбор невелик: либо

капитулировать и тем самым обмануть доверие дважды проголосовавших за него россиян, либо приостановить работу Съезда и своей властью назначить новые выборы. Ясно и то, что в ситуации двоевластия исход борьбы будет решать сила, и очень трудно предсказать, в чьих руках в решающий момент ее окажется больше. Как и перед началом реформ, мы оказались перед выбором из двух вариантов: первый — пассивное бездействие и заведомый проигрыш, второй — предельно рискованный, но с перспективой на успех. Вырисовывающееся силовое решение упирается в вопрос: как поведут себя силовые структуры, на чью сторону встанут? Ответа на него тогда никто не знал. Но и теперь, задним числом, когда трагические октябрьские события в Москве стали историей, пытаюсь понять: был ли в то время другой, кроме силового, выход — и не нахожу его. Состояние двоевластия разъедало российскую государственность, обрекало на провал любые усилия, направленные на экономическую, социальную, административную стабилизацию. Огромная страна просто не могла дальше жить в условиях хаоса и фактического паралича всей государственной машины, когда решения одной ветви власти автоматически перечеркивались решениями другой и никто не мог сказать, на чьей же стороне право. Демократические традиции в России не столь прочны, чтобы долго выдерживать такие перегрузки. Как разрешился кризис двоевластия в 1917 году, хорошо известно.

В один из сентябрьских дней, после заседания президентского совета, ко мне подошел Борис Николаевич и спросил, не соглашусь ли вернуться в правительство первым заместителем премьера. Ответил, что должен подумать. Вскоре меня пригласил В.С.Черномырдин, подтвердил предложение президента и сказал, что ситуация, как мне наверняка понятно, чрезвычайно сложная, нужна помощь. Политических вопросов мы не обсуждали, а что касается

экономики, то премьер заверил, что готов твердо идти по пути реформ.

Чувствовалось, что за истекшие нелегкие месяцы премьерства Виктор Степанович многое понял. Мы обсудили и некоторые кадровые перемещения, необходимость в которых возникнет, если я приму предложение. Принять его мне было непросто. В любом случае вновь придется отвечать за перебитые кем-то горшки, за щедро раздававшиеся весной и летом обещания, которые выполнить нельзя. Все позитивное, что когда-то было сделано нами в 1991-1992 годах, — ликвидация угрозы голода, наполнившиеся товарами магазины, практическая конвертируемость рубля и то, что рынок худо-бедно, а заработал, — все это уже вошло в жизнь, стало будничным, привычным и мало кого удивляло, радовало.

Теперь, если вернусь, предстоит новая грязная и тяжелая работа по разборке мусора. Ответственность за заведомо нелегкую осеннюю политику вряд ли прибавит демократам голосов на предстоящих выборах, больше того, лишит преимуществ оппозиционности. К тому же еще далеко не ясно, чем кончится неизбежное лобовое столкновение президента и Съезда, а ведь и за это, находясь в правительстве, придется отвечать.

Все это очевидно и, вместе с тем, — не имеет для меня никакого значения. Страна перед опасной схваткой. Исход непредсказуем. И принципиально важен для будущего России. В такой момент отсиживаться в кустах, наблюдая со стороны, чем все кончится, невозможно.

Позвонил президенту и премьеру. Сказал, что назначение принимаю.